

болото), *река Таволга* (сельк. кротовая река), *река Чарус* (сельк. широкое устье) [3, с. 37–40];

– гидронимы, указывающие на заимствование из других языков, но их этимология не установлена однозначно: *река Парабель* (русс. *пара*– две, *бель*– (сельк.): река, но такого слова нет), *река Чузик* (чу-река (сельк.) –зат: река (кеты)), *река Сочига*, *река Кенга* (канг-река: дорога (кетск.), кеенга-страна предков (сельк.)), *озеро Пурта* (от сельк. *пур*– утка, *щука*; то-озеро), *река Урья* (урий-протока (хант.), ур или же ор – сила (сельк.)) [3, с. 37–49].

Гидронимы Парабельского района содержат указания на свойства и качества воды в водоеме, особенности дна и береговой зоны, сведения о населяющих водоем рыбах, характере течения, форму и размер водоема и т. д. Наряду с русскими наименованиями водных объектов на территории Парабельского района широко представлены гидронимы, имеющие селькупского происхождения, что отражает историю заселения данного региона.

Литература

1. Дульзон А.П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения // Вопросы языкознания. – 1959. – № 4. – С. 35–46.
2. Евсеева Н.С. Краткий очерк природы Парабельского района // Земля Парабельская: сборник научно-популярных очерков к 400-летию Нарыма. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – С. 24–32.
3. Яковлев Я.А. Географические названия Парабельского района. Что они означают? // Земля Парабельская: сборник научно-популярных очерков к 400-летию Нарыма. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – С. 35–51.
4. Электронная энциклопедия «Все о воде». 2017. Режим доступа: <http://water-rf.ru> (дата обращения: 29.08.2017)

Н.В. Полякова, В.В. Воробьёва

*Томский государственный педагогический университет
Национальный исследовательский Томский политехнический университет*

ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ И НЕПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ПОСЕССИВНЫХ ФОРМ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ²

Категория посессивности как семантическая универсалия вызывала и вызывает интерес у лингвистов. Тем не менее, у учёных не сложилось единого понимания её содержания. Камнем преткновения в научных

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-04-00406 «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала».

дискуссиях является вопрос о том, следует рассматривать данную категорию в широком или узком аспекте.

В широкой трактовке посессивность рассматривается как связующее значение, реализующееся в сочетаниях различной семантики, в узкой трактовке посессивность сводится к значениям обладания, владения [6, с. 51].

Посессивные отношения не являются однородными. При тщательном анализе их содержания они выстраиваются в сложную иерархическую структуру. Их категоризация зависит, в основном, от двух основополагающих фактов: от одушевленности или 3неодушевленности посессора и объекта обладания; от того, включает ли обладатель тот или иной предмет в свою личную сферу владения или относит его к внешнему, вещественному миру.

В селькупском языке имена родства и свойства, анатомическая лексика, названия предметов домашнего обихода употребляются с лично-притяжательными суффиксами и противопоставляются словам, немислимым как собственность отдельного лица или коллектива: *to* 'озеро', *qi* 'река', *tači* 'лес, тундра'. Данные слова употребляются, как правило, без лично-притяжательного оформления. В случаях употребления подобных существительных с лично-притяжательными суффиксами эти суффиксы используются не в притяжательной функции, а в указательной, выделительной [1, с. 76].

В селькупском языке для передачи посессивных отношений могут быть использованы морфологический, морфолого-синтаксический и синтаксический способы. При морфологическом способе к именам существительным или другим частям речи присоединяются лично-притяжательные суффиксы [6, с. 51–54].

При морфолого-синтаксическом и синтаксическом способах посессивные отношения выражаются различными посессивными конструкциями, состоящими, как правило, из двух слов. Первый член посессивной конструкции (имя существительное или местоимение) служит определением и является обладателем, а второй член посессивной конструкции (имя существительное) выступает в роли определяемого и является обладаемым [6, с. 51–54].

Выделяют атрибутивные и предикативные посессивные конструкции. Выражение посессивных отношений при помощи именной фразы принято считать атрибутивной посессивностью: Нап. *Manan aža-t kumba* 'Мой отец (букв мой отец-мой) умер'; Нельм. *aža-t amba-t eya* 'Отец-мать были'.

Структурной особенностью предикативной посессивности является наличие всех компонентов посессивной ситуации: обладателя, обладаемого и посессивного предиката.

Предикативные посессивные конструкции селькупского языка могут быть распределены на пять групп, наиболее частотными из них являются конструкции с именем существительным или местоимением, оформленным показателем *-nan* и глаголом *ēqo* ‘иметь, обладать’ или *čanjkiqo* ‘не иметь, не обладать’. Нап. *ta-nan tanpa eja* ‘У меня дом-мой есть’; Ив. *ta-nan orom tangβa* ‘У меня силы-моей нет’. Подробнее см.: [7, с. 212–215].

Самым древним способом выражения посессивных отношений исследователи считают употребление немаркированной притяжательной конструкции, в которой слово, обозначающее обладателя, предшествовало слову, обозначавшему обладаемое [4, с. 267, 9, с. 336].

По мнению целого ряда учёных, посессивные суффиксы восходят к соответствующим прауральским личным местоимениям [4, с. 267; 12, с. 560].

Отмечается, что в уральских языках посессивные показатели не только выражают принадлежность, но и определённости, они выполняют также указательную, усилительно-выделительную функцию [3, с. 249–259; 5, с. 130–145]. Учёные полагают, что корни данного явления уходят в прауральскую эпоху [4, с. 270].

Несколько иной взгляд на проблему связи определённости и посессивности представлен в работе И. Николаевой. С её точки зрения, понятие определённости не может адекватно объяснить употребление и дистрибуцию посессивных аффиксов с непосессивными значениями. Она считает, что непосессивные значения служат для идентификации, передачи ассоциативной связи с другим элементом, а также эмфазы, контраста [5, с. 130].

Посессивные формы в селькупском языке наряду со значением обладания передают также и значение определённости.

Так, например, для выражения большей определённости предмета, обозначаемого прямым дополнением, в селькупском языке используется посессивная форма имени существительного: таз. *tanpnympaty ki'ncymty* ‘смотрит запор свой’. В тех случаях, когда требуется специальное указание на определённую, посессивная форма используется даже тогда, когда никаких лично-притяжательных суффиксов быть не должно: таз. *imy'la, mēšak-ly mōtty tultāt* ‘бабушка, мешок-твой в чум внеси’, *tap qum-ly mōssä tultyläl sä* ‘этого человека-твоего с чумом донёс бы’ [2, с. 385].

При втором лице императива прямое дополнение часто оформляется посессивным показателем того же лица и числа даже при отсутствии ситуации обладания: *tōnna ira-l apstāty* ‘накорми вон того старика (буквально: твоего старика)’, *tülti cōtynyli* ‘разожгите костёр (буквально: ваш костёр)’ [2, с. 188].

Авторы «Очерков по селькупскому языку» указывают на возможность использования посессивных форм третьего лица для выражения

анафорической связи между первым и последующими упоминаниями предмета. В данном случае элиминируется собственно посессивное значение: таз. *Qoltyt qanyqqyn totta, anty-ty lapykōl eŋa* 'На берегу реки стоит челнок, этот челнок без весла'. Однако, это не даёт оснований приравнивать суффикс *-ty* к определённому артиклю, название одного и того же предмета может повторяться в тексте произвольное количество раз и в непосессивной форме [2, с. 187].

Следовательно, употребление показателей посессивности для выражения определённости в селькупском языке носит факультативный характер.

Посессивное значение является ядром, центром грамматической категории, прототипическим значением посессивных форм в диалектах селькупского языка. По отношению к нему указательное, определённое, усилительно-выделительное и другие значения составляют периферию анализируемой граммы, они являются непрототипическими значениями посессивных форм [3, с. 250].

Список сокращений

Ив. – Иванкино, Нап. – Напас, Нельм. – Нельмач, таз. – тазовский диалект селькупского языка.

Литература

1. Беккер Э.Г., Алиткина Л.А., Быконя В.В., Ильяшенко И.А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. I. – Томск: Изд-во ТГПИ, 1995. – 292 с.
2. Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т.1. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 411 с.
3. Кузнецова А.И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: сборник научных статей. – Ижевск, 2003. – С. 249–259.
4. Майтинская К.Е. Категория лично-притяжательности // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М.: Наука, 1974. – С. 267–278.
5. Николаева И. Посессивные аффиксы в прагматической структуре высказывания: данные уральских языков // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. – Ижевск, 2003. – С. 130–145.
6. Полякова Н.В. Средства выражения посессивных отношений в диалектах селькупского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – Вып. 4 (10). – С. 51–54.

7. Полякова Н.В., Воробьёва В.В. Предикативные средства выражения посессивности в диалектах селькупского языка // Межкультурная коммуникация: теория практика: сборник научных трудов XVI Международной научно-практической конференции. – Томск: Изд-во ТПУ, 2016. – С. 212–215.
8. Серебренников Б.А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М.: Наука, 1971. – С. 277–282.
9. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск: Изд-во Саран. ун-та, 1990. – 336 с.
10. Чинчлей К.Г. Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / под ред. А.В. Бондарко. – СПб., 1996. – 230 с.
11. Raun A. Proto-Uralic Comparative Historical Morphosyntax // The Uralic Languages. Description, History and foreign Influences. Leiden. – New York. Kabnhavm. Köln, 1988. – P. 556–571.

А.А. Романов, Л.А. Романова

Тверская государственная сельскохозяйственная академия

ДИСКУРС-СЕЛФИ КАК ПЕРФОРМАТИВНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Интерес к феномену перформативности не угасает уже более полувекового периода и характерен не только для отечественного, но и зарубежного языкознания. Зафиксированная и актуализированная В.Н. Волошиновым (1930/1995) роль слова «в жизни и слова в поэзии» социума, подмеченная Эрвином Кошмидером [2] черта «видовой коинциденции грамматических конструкций» и выдвинутая Дж.Л. Остином [3] идея совмещения говорения и действия заложили основу притяжения феномена перформативности, которая получила широкое распространение не только в лингвистике, но оказалась полезной и значимой также и для других научных сфер знания, например, для театроведения, «медиевистики или истории искусств», «гендерных исследований», «исследований культурных пространств или постколониальных изысканий» (обзор и критику см.: [4; 5; 6; 7; 10; 11; 12; 13; 14; 26; 27; 28]).

Интерес к перформативной идеи был обусловлен не только появлением каких-либо новомодных «волн», «поворотов» или и не столько случайным или конъюнктурным всплеском интереса к феномену перформативности, а, скорее, такой интерес основывался на том, что категория перформативности оказалась в определённое время в центре интересов исследовательских программ по описанию специфики перфор-